

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Шаршуковой Ольги Валерьевны
на тему: «„Георгики“ Вергилия и жанр дидактического эпоса»
по специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая
филология»

Диссертация Ольги Валерьевны Шаршуковой посвящена одному из наиболее известных древнеримских поэтов и при этом одному из наименее исследованных его произведений. В большинстве читаемых курсов истории античной литературы поэма «Георгики» либо оказывается в тени «Энеиды», либо и вовсе исключается из программы. Вместе с тем, это произведение, посвященное сельскохозяйственным вопросам, послужило своего рода «мостом» или даже «трамплином» от буколического жанра с его пастушеской тематикой к героическому эпосу, от жанра малого к крупной эпической форме, от нежной песни, как об этом сказал Гораций, к мощному голосу поэта-пророка, открывающего судьбы Рима и формулирующего его идеологию. Исследование О.В. Шаршуковой актуально не только для понимания творческого пути Вергилия, но и в контексте общих исследований римской эпической поэзии, развитие которой имеет свою специфику: все началось с переводной поэмы, затем расцвел исторический эпос, а путь к собственному героическому эпосу оказался долгим и переплетенным с дидактическим жанром – римский Гомер появился после Гесиода. Справедливым является и замечание на сс. 6-7 диссертации о том, что в отечественной науке крайне мало исследований, посвященных «Георгикам», а комплексное исследование этой поэмы предпринимается впервые.

Поставленный в диссертации вопрос об основаниях для выделения жанра дидактического эпоса в античности (сс. 15-21) находит весьма интересное решение в понятии дидактической традиции, и с этой точки зрения нельзя не отметить научную новизну предпринятого исследования: это попытка

реконструировать авторское самоопределение Вергилия, осознание поэтом предшествующей традиции, выбор образцов и воспроизведение характерных черт соответствующих произведений. Поэтическому самосознанию и жанровым особенностям посвящены первая и вторая главы, но О.В. Шаршукова регулярно возвращается к этому вопросу на каждом этапе работы, что, на мой взгляд, представляет одну из самых сильных сторон диссертации.

При этом О.В. Шаршукова справедливо отмечает: (с.38) ««Таким образом, в начале поэмы Вергилий отсылает читателя к эллинистической традиции дидактического эпоса с помощью названия и к гесиодовской – менее явно, посредством перифразы», – и далее (с.41): «Более того, в этом сложном сочетании гесиодовского и эллинистического (название поэмы в честь поэмы Никандра и первый ее стих – перифраза Гесиода; упоминание Гесиода с эпитетом, впервые употребленным Никандром) можно увидеть и намерение автора стать продолжателем обеих этих традиций, сочетать в произведении гесиодовские и эллинистические элементы». Это очень ценное наблюдение, которое можно было бы встроить в высказанную М. фон Альбрехтом идею о движении римских поэтов от эллинизма к архаике (здесь я вынужден посетовать, что труд фон Альбрехта в диссертации использован, на мой взгляд, недостаточно).

Весьма интересен анализ вергилиевой *recusatio* (сс. 39-40): «Исходя из этого, можно предположить, что *haec loca* (140) или *hic* (II. 149), по-видимому, значит не только «здесь, в Италии», но и «здесь, в поэме». Также Вергилий здесь, по-видимому, отказывается от написания героической поэмы, т.е. эту часть поэмы можно считать и *recusatio*». Наряду с прим. 102 на с. 40 эта мысль представляется продуктивной, но следовало бы тогда проанализировать всё противопоставление Италии и других мест, начиная как минимум со стиха II.136 – нужно ли видеть в противопоставлении Гангу и Индам отказ от поэмы в духе *Dionysiaca*? А отсутствие огнедышащих быков – *recusatio* по отношению к *Argonautica*? Подобная интерпретация вполне возможна, но требует соотнесения

всех упомянутых объектов с сюжетами героико-мифологического эпоса. Отдельной проблемой станут стихи 145-148.

О.В. Шаршукова обладает способностью лаконично выразить мысли, что может быть недостатком (об этом скажу ниже), но и достоинством, как в случае с блестящим резюме на с. 53: «У Вергилия в «Георгиках» действительно нет единого образца или «модели», текста, на который он бы опирался полностью. Название (и, видимо, концовка) поэмы взяты у Никандра, тематика поэмы напоминает Гесиода и частично Арата, идея (попытка объяснить природу вещей) – Лукреция (хотя, конечно, это общее место для большинства дидактических поэм), некоторые «дидактические» выражения также напоминают о поэме Лукреция». Правда, стоило бы отметить, что из перечисленных авторов латиноязычным предшественником является только Лукреций, поэтому замечание Р. Томаса о лукрецианской лексике, приводимое на с. 48, следовало бы принять к размышлению.

Несколько более развернуты, по сравнению с первыми двумя главами, главы третья и четвертая, посвященные композиции и проблематике. В третьей главе весьма ценно подробное сопоставление с неожиданным прозаическим образцом – Варроном. Хорошо сформулирован вывод на с. 124: «Линия отношений человека и окружающего мира (человека и природы в целом; человека и животных; человека и стихии) важна для понимания композиции «Георгик» Вергилия. От враждебных отношений с природой в первой книге человек приходит к некому гармоничному сосуществованию с окружающим миром в конце». Четвертая глава содержит замечательные филологические этюды о *labor improbus* и о *iustissima tellus*, отраженные в соответствующих статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях.

Комплексный анализ образцов, аллюзий, жанровых черт, композиции и тематики позволяет в заключении сформулировать вывод (с. 180): «Поэма же Вергилия представляет собой синтез предшествующей дидактической традиции». О.В. Шаршуковой пришлось проделать значительную работу, чтобы мы могли считать эту априорно понятную мысль доказанной.

Оппоненту необходимо указать и на недостатки работы. Часть из них – как это бывает в античной философии – является обратной стороной ее достоинств. Излишняя лаконичность проявляет себя при реферировании имеющейся научной литературы – а объем привлеченных О.В. Шаршуковой исследований достаточно велик и разнообразен¹: часто в диссертации лишь констатируется то или иное положение соответствующего исследователя без хотя бы краткого пересказа аргументации. Поиск аллюзий на Theriaka Никандра – ограничен прим. 110 на с. 45. Заимствования из Арата описаны предельно кратко и в основном ссылками на имеющиеся работы (сс. 47-48). На с. 71 говорится о создании терминов и об использовании специфических дидактических выражений – у Вергилия не дается примеров первого и всего один (пусть и ценный) пример второго. На с. 73 речь идет о варьировании тональности повествования у Вергилия в разных частях поэмы – было бы хорошо дать полный план произведения. Замечание на с. 96: «Также исследователи отмечают многочисленные композиционные параллели между нечетными книгами (первой и третьей) и четными (второй и четвертой); иногда структура книг совпадает вплоть до номера стиха» имело бы смысл сопроводить примерами. Когда речь заходит о каталогах в «Георгиках» (с. 99), они приводятся не все.

Есть и некоторые более общие проблемы, которые О.В. Шаршукова вынуждена затрагивать, но которые выходят за рамки исследования и, вероятно, поэтому их рассмотрение в диссертации представляется неоднозначным. Так, сильное возражение вызывает утверждение на с. 60: «Поэзия для Аристотеля – подражание (μίμησις) или даже ложь (Arist. Poet. 1460a). Поэтому дидактический эпос – не поэзия, ведь автор дидактического произведения претендует на то, что говорит правду». Представляется, что в указанном месте Аристотеля речь все-

---

¹ Среди привлеченных работ отсутствуют некоторые, которые, кажется, могли бы обогатить дискуссию: W.W.Briggs Jr. Narrative and Simile from Georgics in the Aeneid. Leiden, 1980; V.Buchheit. Der Anspruch des Dichters in Vergils Georgika. Dichtertum ind Heilsweg. Darmstadt, 1972; G.B.Conte. Il genere e I suoi confine. Cinque studi sulla poesia di Virgilio. Torino, 1980; G.B.Miles. Virgil's Georgics: A New Interpretation. Berkeley-L.A.-London, 2023 (1980); C.Nappa. Reading after Actium. Vergil's Georgics, Octavian, and Rome. Michigan, 2005; C.G.Perkell. The Poet's Truth. A study of the Poet in Virgil's Georgics. Berkeley, 1989; Reflections and new perspectives on Virgil's Georgics. Ed. By B. Xinyue, N. Freer. London-NY, 2019.

таки идет не о том, что эпический или драматический поэт сознательно сообщает ложь (в отличие от дидактического поэта, сообщающего правду), но о том, что искусство поэзии заключается в убедительном представлении неправдоподобного. Ложью это является с логической (т.е. философской) точки зрения. И в этом смысле, как мне кажется, позиция дидактического поэта ничем не отличается: Вергилий верит в бугонию и представляет нам это убедительно, хотя строгая – в духе Аристотеля – наука не подтверждает это явление.

При рассуждении о стихотворном размере на с. 55: «Впрочем, гекзаметром написаны далеко не только различного рода эпические поэмы, но также и буколики, оракулы, различные гимны (как гомеровские, так и орфические), некоторые надписи и эпиграммы», – остается непонятным, почему в список не включены гекзаметрические сатиры? Сатира упоминается вскользь (прим. 79 на с. 32 «В римской сатире мы также встречаем размышления о творчестве», затем прим. 163 на с. 60). Об имитации устной речи говорится на с. 109: «Дидактический же эпос – это монолог автора, обращенный к читателю. Вероятно, здесь также имитируется устная речь, что проявляется не только в неожиданной смене темы, но и, например, в обращениях к читателю», – вновь напрашивается сопоставление с сатирой.

На сс. 89-91 приводятся размышления о количестве стихов и книг в дидактических поэмах (почему-то об этом не сказано на с. 30, когда речь идет о признаках принадлежности к традиции). Здесь можно высказать несколько возражений: 1) формальное – в сравнении не участвует исторический эпос; 2) есть героический эпос небольшого объема («Аргонавтика» Аполлония Родосского, 4 книги; затем «Аргонавтика» Валерия Флакка, имевшая, предположительно, 8 книг). Фраза «Таким образом, для дидактических поэм характерен средний объем. Многие из них состоят из одной книги, хотя есть и исключения» требует уточнения – ведь получается, что главный для исследования текст как раз попадает в «исключения». Возможное решение, если допустить, что «Георгики» Никандра составляли 2 книги, – удвоение числа книг Вергилием (также как и сокращение в два раза в случае с «Энеидой»; ср.

объяснение Сервия). Заодно, это бы объясняло и отказ Вергилия от дополнительной книги по садоводству.

Сопоставляя Лукреция и Вергилия, О.В. Шаршукова делает ряд правильных наблюдений, в т.ч. в прим. 385 на с. 157 дает прекрасное замечание о различии видов знания у этих поэтов. И странно, что при анализе образа Венеры (сс. 36-37) не учитывается возможность философского истолкования. В этой связи не соглашусь с интерпретацией чумы (с.92): «завершает поэму описанием чумы в Афинах, которое показывает ужасный конец, ожидающий тех, кто не живет по заветам Эпикура». *Religio* у Лукреция несколько раз переводится как «религия», например (с.74): «*tantum religio potuit suadere malorum* (религия могла так сильно побуждать к злодеяниям, I.101)», – все-таки, это совсем не то, что под «религией» понимаем мы, скорее это «строгое следование религиозным предписаниям» или, в религиозно-философском понимании, «представление о неразрывной связи богов и людей», с которым и спорит эпикурейское учение. Из-за неточного понимания античной религии спорным представляется и утверждение о «Теогонии» на с. 58: «Эта поэма посвящена генеалогии богов, и здесь не приводятся сведения, которые могут иметь какое-либо практическое применение», – практическое применение вполне возможно в виде правильного почитания богов. Впрочем, очевидно, что эти вопросы относятся к более широкой проблематике, а мы должны, наоборот, отметить значительные успехи О.В. Шаршуковой в реконструкции дидактической традиции и места поэмы Вергилия «Георгики» в ней.

Поэтому указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6

Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Шаршукова Ольга Валерьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук,

доцент кафедры классической филологии филологического факультета

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Беликов Алексей Евгеньевич

07.12.2023

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Адрес места работы:

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет, кафедра классической филологии (ауд. 1026)

Тел.: +7(495)939-20-06; e-mail: belikov@philol.msu.ru

Подпись сотрудника ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» А. Е. Беликова удостоверяю: